

Мария Янес

Фаня Давыдовна Люшкевич

В 2007 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Фани Давыдовны Люшкевич — этнографа, ираниста, исследователя Средней Азии и, в частности, Бухарского оазиса.

Фаня Давыдовна родилась в Ленинграде 5 декабря 1927 г. в семье бухгалтера и учительницы. Всю войну семья провела в блокадном городе. Девочка продолжала учиться в школе и оказывала посильную помощь фронту. 30 января 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Ф.Д. Люшкевич (тогда еще Глейзер) за участие в обороне Ленинграда награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Весной 1945 г. Фаня Давыдовна окончила школу и поступила на Восточный факультет Ленинградского государственного университета. В те годы иранское отделение, на котором она училась, возглавлял член-корреспондент АН СССР Александр Арнольдович Фрейман, а в числе преподавателей были такие выдающиеся ученые, как Александр Николаевич Болдырев, Михаил Ни-

Мария Александровна

Янес

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург

колаевич Боголюбов, Анна Зиновьевна Розенфельд. В 1950 г. университет был успешно закончен.

В 1955 г. Ф.Д. Люшкевич поступила на работу в Институт этнографии, в сектор Средней Азии, которым в то время руководил Николай Андреевич Кисляков. Ее коллегами стали Эдит Густавовна Гафферберг, Елена Михайловна Пещерева, Саул Матвеевич Абрамзон. Именно Е.М. Пещерева взяла на себя научное руководство Ф.Д. Люшкевич.

Уже в 1956 г. Фаня Давыдовна вместе с Е.М. Пещеревой принимает участие в Южно-Узбекской экспедиции под руководством Клавдии Леонтьевны Задыхиной, цель которой — изучение родоплеменного состава населения Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей.

В 1961 г. Ф.Д. Люшкевич выезжает в поле для работы уже по своей собственной теме — изучение этнографической группы ирони. В экспедицию они вновь едут с Е.М. Пещеревой. Основное место дислокации — Бухара, откуда совершались выезды в окрестные кишлаки. Далее следуют многие полевые сезоны, проведенные в составе Среднеазиатской этнографической экспедиции, в 1969–1970 гг. — в Ромистанском, Вабкентском и Гиджуванском районах Бухарской области, в 1972 г. — в Кашкадарьинской области, в 1976–1978 гг. — в Бухаре.

На основании собственных многолетних полевых наблюдений 22 февраля 1977 г. Ф.Д. Люшкевич успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Особенности этнической истории и этнографических черт культуры таджикского населения Бухарского оазиса (конец XIX — начало XX вв.)».

Кроме активных полевых исследований Фаня Давыдовна занималась текущей музейной работой, участвовала в подготовке к печати трудов сектора, в частности двух томов серии «Народы мира» — «Народы Передней Азии» и «Народы Средней Азии и Казахстана». Также она принимала участие в работе над подготовкой «Историко-этнографического атласа Средней Азии» по разделам «Жилище», «Одежда», «Украшения». По просьбе узбекских коллег работала в качестве одного из редакторов и авторов в обобщающем труде «Этнография Узбекистана», готовившемся к изданию в Институте истории АН УзССР. Вот как отзывался о ее работе В.П. Курылев, бывший в 1970–1980-х гг. заведующим сектором этнографии народов Средней Азии, Кавказа и Казахстана: «Круг интересов Фани Давыдовны лежит в области изучения одного из самых сложных в национальном отношении районов Средней Азии и Узбекистана — Бухарского оазиса, этническая история, тра-

диционная и современная культура и быт которого характеризовался тесным многовековым взаимодействием оседлоземледельческого, в основном таджикоязычного, и кочевническо-скотоводческого тюркоязычного населения. Начав изучение этнической истории и культуры этнографической группы ирони, проживающей на территории Бухарского оазиса, постепенно Фаня Давыдовна расширила рамки своей исследовательской деятельности на все многона-

циональное население Бухарского оазиса. Были расширены также хронологические рамки работы вплоть до настоящего времени. Это позволило ей сделать вывод (весьма важный), что этногенез населения этой сложной историко-культурной области представляет собой целостное явление, отражающее общеисторический процесс развития народов Средней Азии и Казахстана».

В 1988 г. Ф.Д. Люшкевич по состоянию здоровья пришлось уйти на пенсию. В настоящее время она живет в Израиле с семьей сына. Мы от всей души поздравляем ее с юбилеем и представляем вашему вниманию ее воспоминания о годах работы в нашем Музее и об интереснейших экспедиционных выездах.

Воспоминания Ф.Д. Люшкевич

1945 г. — год окончания войны. Для десятиклассниц еще недавно блокадного города наступили первые экзамены на аттестат зрелости и дальше — выбор профессии. По совету нашей преподавательницы немецкого языка трое из нас подали документы на иранское отделение Восточного факультета ЛГУ¹.

¹ По окончании я почти 40 лет работала в МАЭ и ИЭ АН СССР, а моя ближайшая подруга, Галина Павловна Михалевиц, заведовала библиотекой Востока в Эрмитаже.

Иран тогда привлекал внимание своим демократическим настроением, развивавшимися культурными связями. 1 сентября 1945 г. на иранском отделении оказалось около 30 студентов. Заведующий иранской кафедрой член-корреспондент АН А.А. Фрейман сразу отметил, что такое большое количество студентов на отделении необычно и что к концу года останется человек 10. Так и случилось. Главная трудность в учебе заключалась в том, что не было достаточного количества рукописей, словарей — заниматься можно было только в библиотеке — нашей ставшей родной Восточке¹, где мы и застревали до позднего вечера.

На втором курсе был введен разговорный персидский язык на основе чтения современной персидской литературы (М.Н. Боголюбов)², был приглашен А.И. Аванесян. С третьего курса началась специализация по филологии (А.Н. Болдырев), истории (А.Ю. Якубовский), современной экономике (С.Н. Иванов) с углубленным изучением текстов разных периодов по каждой специальности.

Дипломная работа моя была посвящена творчеству современного тогда поэта Садыка Хедаята, бывшего под сильным влиянием А.П. Чехова. Его новеллы посвящены жизни простых людей. Бытовые реалии из этих рассказов мне очень помогли в работе экскурсоводом по отделу Ближнего и Среднего Востока (Иран, Афганистан, Турция, Палестина) в МАЭ.

С устройством на работу в 50-е годы оказалось для меня очень сложно (в разгаре была космополитическая и антиеврейская кампании). Обязана я бесконечно (и вспоминаю об этом с огромной благодарностью) своей иранской кафедре — моему руководителю А.Н. Болдыреву, А.З. Розенфельд, которые рекомендовали меня в качестве экскурсовода на открытую в МАЭ экспозицию по странам Ближнего Востока (и тоже очень счастливое совпадение). Мне предстояло овладевать этнографией, такого курса у нас не было вообще. Специальное этнографическое отделение значилось на историческом факультете. Этот пробел в моем образовании пришлось восполнять. Надо было

¹ В то время эта библиотека на Восточном факультете ЛГУ располагалась в помещении, окна которого выходили на набережную. Через несколько лет эту светлую аудиторию сделали учебной, а библиотеку со всеми стеллажами перевели в помещение напротив, окнами во двор.

² Запомнилось самое первое занятие по персидскому языку. Его провел А.А. Фрейман. Он просто сказал, что к следующему уроку мы должны выучить алфавит, научиться читать самые простые тексты, объяснил основы синтаксиса. Запомнилось его замечание, что одним из элементов надежных отношений является вставляемое при чтении краткое *i* (изафет): его правильное употребление является показателем хорошего понимания текста. Если случалось, что студент вставлял как бы лишний изафет, то следовала реплика: «а это уж слишком много хорошего». На втором и третьем курсах А.А. читал лекции по истории персидского языка и проводил занятия по чтению текстов на средне- и древнеперсидском языках

написать текст экскурсии по быту народов представленных на экспозиции стран и, по возможности, воссоздать живую картину их жизни с характерными традициями, обычаями, обрядами и пр. В этом мне отчасти помогло знакомство с персидской художественной литературой XX в.

Естественно, что очень помогало тесное сотрудничество с музейными и научными работниками отдела: меня привлекали к работе с музейными коллекциями, учили правильному их описанию. Руководителем отдела был Н.А. Кисляков.

В 1955 г. я была зачислена в штат научного отдела Ближнего и Среднего Востока ИЭ АН СССР в качестве старшего научно-технического сотрудника. (До этого я числилась в штате Горэкскурсбюро.) Первой моей работой, закрепившей мой интерес к этнографии, была помощь Е.М. Пещеревой в подготовке к изданию ее фундаментального исследования «Гончарное производство Средней Азии» — следовало выверить таджикскую терминологию в машинописном тексте. Для меня это тесное общение имело большое значение: Елена Михайловна стала в дальнейшем моим научным руководителем и большим старшим другом.

В те годы я подготовила свою первую публикацию в СЭ — обзор иранских этнографических журналов, поступавших в БАН¹.

Первое мое участие в экспедиции было в 1956 г. Возглавляла экспедицию К.Л. Задыхина, изучавшая родоплеменной состав Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей. В составе экспедиции была и Е.М. Пещерева, продолжавшая сбор материала по истории ремесел. Уже в Средней Азии к экспедиции присоединилась Р.Я. Рассудова, бывшая тогда сотрудницей Института истории в Ташкенте. Материальную культуру по указанию К.Л. Задыхиной фиксировали художник, фотограф, а мне предстояло делать подробное описание с терминологией.

Следующая моя поездка в Среднюю Азию в 1961 г. была связана с самостоятельной темой — изучение этнографической группы ирони в Бухаре. Эту тему мне предложил зав. сектором Н.А. Кисляков. Он неоднократно подчеркивал, что в научном изучении бывшего Туркестана, а потом среднеазиатских республик сложилась парадоксальная ситуация: начиная с конца

¹ Опубликованные в этих журналах описания поселений татов, расположенных к северо-западу от Тегерана, сохраняющих черты древней культуры, послужили отправной точкой для изучения значения этого термина, широко известного также в письменных и этнографических источниках по отношению к разным группам населения как в Средней Азии, так и Закавказье. См. мою статью [СЭ. 1971. № 3].

XIX в. изучались окраинные районы, а центральная часть, в частности Бухара, вплоть до середины XX в. оставалась менее изученной. Объяснялось это, главным образом, тем, что в центре дольше сохранялось влияние ислама, доступ европейцев был более затруднен. Во второй половине XX в., особенно после Великой Отечественной войны, обстановка резко изменилась, но надо было спешить, пока еще сохранялось старшее поколение, старый быт и т.д.

Первой исследовательницей Бухары (в 50-е гг. XX в.), ее населения, занятий разных групп с подробной картой их расселения была О.А. Сухарева. Для меня ее работы были основой сначала для более детального изучения группы ирони, а потом и населения всего Бухарского оазиса в плане особенностей его формирования.

Результаты изучения группы ирони изложены в моей публикации в одном из Среднеазиатских сборников (1971 г.).

Обычно при изложении материала даются, как правило, ссылки на отдельных информантов. Но специфика полевого этнографического исследования заключается в том, что просто отдельных сообщений недостаточно. Отдельные сообщения могут быть повторением уже принятых и известных установок. Очень важно прожить какое-то время внутри этой общины (семьи), по возможности участвуя и наблюдая различные проявления внутрисемейных и общинных связей.

Мне в этом отношении очень повезло.

Начало моей полевой работы было в апреле 1961 г. Я еще была совсем «сырой» этнограф, и, наверное, не случайно меня присоединили к командировке Е.М. Пещеревой, продолжавшей изучать ремесла, их цеховую организацию. Трудно переоценить важность методических советов из ее многолетнего опыта полевых исследований.

Первое мое общение с представителями группы ирони организовали сотрудники Бухарского музея (Дворец Бухарского эмира).

Предстояла встреча с солидными старцами. Я, естественно, очень волновалась, тщательно продумывала, как объяснить мою задачу, заинтересовать их. Рассказала, как в Москве, Ленинграде изучаются разные восточные языки, читают древние рукописи и по ним пишут историю народов. Но вот по некоторым народам, в частности ирони, письменных источников мало. Мало их вообще по истории пред- и послереволюционного периода Бухарской области. Историю последнего периода помните вы, — говорила я, — современное старшее поколение, по вашим воспоминаниям можно воссоздать многое из

истории недавнего прошлого, и это останется и для ваших потомков. Важны не только исторические события, но и типы традиционного жилья, внутреннего убранства, одежды, сохраняющиеся многие обряды, обычаи и другие многочисленные особенности культуры. Ведь все старое очень быстро уходит, надо успеть зафиксировать.

В конце моего так называемого выступления один из стариков вытащил из-за пазухи фрагмент какой-то рукописи на персидском языке (к сожалению, ни начала, ни конца не было). Я с удовольствием немного прочла (чтение рукописей было главное, чему нас учили), и это окончательно расположило ко мне моих первых информантов. Позже мне рассказывали, что некоторые из них очень пострадали в первые годы Советской власти, рукописи уничтожали, многих приверженцев старого арестовывали. Отвечая на вопросы, они посоветовали обратиться к И.К. Касимову, среди ирони он пользовался особым авторитетом как человек мусульмански хорошо образованный, читавший на фёрси (ведь арабская графика в советское время была заменена русской, и тем самым для широких масс было исключено знакомство с литературой на фёрси). Характерно для И.К., что он дома устроил школу для детей по изучению фёрси. На открытый айван выносились небольшая грифельная доска, и дети (свои и соседские) раскрывали тетради, которые приносили аккуратно завернутыми в специально сшитые сумочки (такого типа «портфели» встречаются на изображениях старых школ). Такого рода занятия давали свои плодотворные ростки. Так, одна из дочерей — Зина, закончив химфак Бухарского института, заинтересовалась одной из хранившихся у отца рукописей, прочла, перевела и, написав историческое исследование, защитила в качестве кандидатской диссертации.

Надо сказать, что многолетняя дружба с семьей Касимовых (более 25 лет, несколько раз члены этой семьи (в разном составе) приезжали к нам в Ленинград), а главное — жизнь во время работы в Бухаре в семье Касимовых качественно изменили весь характер «полевых» наблюдений.

С самого начала самым важным стало значение термина «ирони». В научной литературе приводился, как правило, прямой перевод этого названия — «иранец», «форс». О.А. Сухарева отмечала, что «ирони» окружающее население произносит с несколько обидным оттенком, и рекомендовала более вежливое название «форс». Однако уже в первый день беседы с группой ирони я постоянно слышала, что между собой они спокойно употребляют этот термин «ирони». И.К. Касимов посоветовал посетить многочисленные кишлаки в окрестностях Бухары и сам повез и рекомендовал меня в кишлаке Зи-

робод, в основном населенном ирони. Там выяснилось, что кроме выходцев из Ирана (в том числе потомков бывших рабов) были белужди, берберы и другие группы, вывезенные как из Ирана, так и из Афганистана. Сам И.К. — иранский азербайджанец. В Средней Азии в окружении суннитского населения главным объединяющим и обобщающим моментом для этой разнородной по этническому происхождению группы была принадлежность к шиизму — религии, официально принятой в Иране, и потому они «ирони».

В разговорной речи можно было услышать противопоставление этих двух терминов: ирони и сунни — в значении шиит и суннит. Особенность формирования этой этноконфессиональной группы определяет отличия в проведении молитвы, некоторых традициях. Смешанные браки считались нежелательными. Компактное поселение ирони было в юго-западных кварталах Бухары. Характерно, что большая группа ирони жила в самом центре Бухары, в квартале Тупхона (туп — пушка, хона — дом, т.е. как бы арсенальная), вблизи от дворца. Населяли ее в прошлом воины армии Бухарского эмира¹. Уже с середины XX в. былая обособленность проявлялась все меньше, главным для живущих по соседству оставались традиционные общинные связи. К ним теперь добавились связи по работе, учебе и т.д.

В семье Касимовых, наравне с Ибрагимом Касимовичем, атмосферу глубокого уважения, высокого достоинства и любви несла в себе его жена и мать большой семьи — Согра. Дома она обычно вставала раньше всех, наводила первый порядок, а потом распределяла обязанности среди старших детей. Согра благодаря своему авторитету мудрой и благополучной женщины, естественно, была почетной гостьей на всех семейных традиционных празднествах в своей общине (порой приходилось наблюдать, как она готовит сразу несколько подносов с дарами, так как надо было успеть в разные дома, чтобы никого не обидеть). Во время моего пребывания в Бухаре Согра всегда приглашала меня с собой. В семье Касимовых было 11 детей. На очень многих этапах из цикла семейной обрядности я была активной участницей. Именно не наблюдение, а участие позволило мне вникнуть в проблему т.н. «калыма», трактуемого даже в научной литературе как «купля, продажа». Я бесконечно благодарна Согре, которая так подробно рассказывала, из чего и как складывались расходы на свадебные и предсвадебные торжества, а на последнем этапе свадебного празднества привела в комнату, где велись точные записи, т.е.

¹ Подробнее смотри мою статью в [СЭ. 1989. № 4].

объяснила таким образом сложившуюся веками систему перераспределения даров. Согра ввела меня в помещение, куда приносились дары, а принимавшая их женщина аккуратно в специальную тетрадь записывала, кто и что принес. Как пояснила потом Согра, чтобы помнить в соответствующем случае, сколько и кому надо нести в ответ. Я это определила как «общество взаимного обмена» — проявление одной из форм (в ряду других) общинных связей и взаимобязанностей.

С особой нежностью вспоминаю мать Согры, очень эксцентричную в поведении яркую внешне старушку, как будто сошедшую с персидской миниатюры. С ее слов записан живой рассказ о ее сватовстве и свадьбе (жених был намного старше) с соответствующими эмоциями невесты-девочки (14 лет).

Жизнь в семье Касимовых не только способствовала глубинному пониманию многих традиций, но еще имела большое личное значение для меня. Теплая душевная обстановка в доме согревала меня, туда я возвращалась из радиальных поездок по окружающим Бухару кишлакам, отдыхала, делилась впечатлениями.

Характерное для Востока гостеприимство в этой семье было нормой, соответствовавшей атмосфере всеобщей любви и уважения, заботе о младших и почитанию старших.

Особенно теплые отношения сложились у меня со старшими дочерьми (Аня, Сиддика, Зина). В 1976 г.¹ произошла страшная трагедия — скончалась после родов Сиддика (в 1969 г. я была на ее свадьбе, до этого она мне рассказывала о романе с будущим мужем, поначалу неодобряемым родителями, так как он был суннит. А познакомились они в Самаркандском мединституте, где она училась, а Батыр преподавал). С Зиной меня сблизил, кроме личной симпатии, еще и общий профессиональный интерес к востоковедческим исследованиям. Зина не раз приезжала в институт, я ее представила коллегам из института Востоковедения АН, они с интересом отнеслись к ее работе, рекомендовали к печати и защите диссертации. А я навсегда запомнила, что при первом моем появлении в их доме она пригласила меня жить у них. Кстати, к пресловутой формуле о «забитой женщине Востока» следует сказать, что не только на примере конкретной семьи (а у меня круг этих связей был очень обширен) сама роль женщины в системе общинных отношений, ее (наравне с мужчиной) неперемное участие в подготовке и проведении семейных обрядов обозначают ее место и в обществе, и в семье.

¹ В этой поездке со мной была М. Станюкович.

По мере расширения этнографического изучения коренного населения всего Бухарского оазиса стационарная работа проводилась в Ромитане (семья Одинаевых) и окрестностях. О поселении Ромитан, расположенном на холме того же названия, упоминается в источнике X в. Наршахи, где оно уже тогда называется старым. До сих пор на холме осталось несколько жилых домов, основное население спустилось к подножию и образовало новое поселение. Со мной в поездке 1972 г. была художница К.Б. Серебровская. Привезли много рисунков, фотографий.

В один из приездов в Ромитан в моем распоряжении оказалась экспедиционная машина. Я использовала ее для посещения вместе с Мирзо Одинаевым заброшенных теперь в пустыне вокруг Ромитана святых мест — мазаров, иногда в виде интересных архитектурных сооружений. В архиве института должны быть фотографии, рисунки и описания с комментариями Одинаева.

В этих районах более смешанного населения особое внимание уделялось изучению состава населения¹.

Главным информантом в данном случае был местный гурков, хорошо знающий на кладбище участки захоронений каждой группы населения, их названия. И вот в ряде случаев среди одинакового по культуре и таджикскому языку населения отдельно называлось место захоронения группы «таджики», а затем шли участки, связанные с названиями по роду занятий, сословной принадлежности, месту происхождения и другим характерным для этой группы признакам.

На местах (Ромитан, Вабкент) мне объясняли, что в данном случае «таджик» — это «мирзо» (грамотный, писец). Это и побудило меня проследить по письменным источникам (главным образом персидским и исследованиям их) семантическое развитие термина «таджик», начиная с первого упоминания в древнетюркских рунических текстах VIII в. (С.Г. Кляшторный). Поскольку в источниках прямого указания на происхождение этого термина не обнаружено, то для нашей задачи

¹ Так как термины «таджик» и «узбек» получили статус этнонима только после размежевания Туркестана (1925 г.) и образования республик (Таджикской и Узбекской), в этих районах смешанного населения, главным образом среди таджикоязычного населения Бухарского оазиса, очень долго продолжали сохраняться названия, содержавшие более всего культурный и социальный аспекты.

При написании истории этих народов надо знать составляющие этнические и культурные компоненты, которые в разное время были известны под разными названиями. Выяснить их семантику — значит понять характер и особенности складывавшихся этнических связей. Подробнее см. в моей статье «Некоторые аспекты этнической истории Среднеазиатского междуречья» [Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. III. Этнография. М., 1991. С. 24–34].

важнее был контекст его употребления, раскрывавший кого, кто и как называл в процессе многовековой интеграции ираноязычного и тюркоязычного (оседлого и кочевого) населения. Этому посвящена моя специальная статья «Некоторые аспекты этнической истории Среднеазиатского Междуречья» [Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. III. Этнография. М., 1991. С. 24–34]. К сожалению, сборник издавался уже после моего отъезда, и допущена грубая редакторская «правка». На с. 27 в первом абзаце следует читать: «Впервые термин „таджик“ отмечен в древнетюркских текстах VIII в. по отношению к населению Согда,» а напечатано «арабам» (?!), и в следующей фразе «В этих же текстах согдийское население называется и словом „тат“» (пропущено «и»).

Такая редакторская «правка» — свидетельство живучести принятой теории о возможном (!) происхождении названия «таджик» от «тази — араб-мусульманин». За доказательство этой возможной связи взялись лингвисты, подыскивая фонетические переходы. Но при этом не учитывалось, что термин «таджик» в значении «мусульманин» никогда не был общим для всего мусульманского населения Средней Азии и тем самым был тупиковым в объяснении сложной этнической истории народностей, которые в процессе многовековых контактов были связаны в различные периоды с различными терминами. При этом игнорируются даже прямые свидетельства источников, начиная с такого, как словарь Махмуда Кашгарского (XI в.), где дано четкое определение: таты — это говорящие на фарси. И далее он отмечал, что татами в его время стали называть уйгуров и китайцев, он считает такое употребление слова «тат» неверным. Объясняя это явление, В.В. Бартольд писал, что «признак принадлежности к определенному культурному типу в глазах кочевника важнее, чем признак национальности и языка».

Как показал анализ контекста письменных источников в сочетании с этнографическими исследованиями, этот подход позволяет проследить историческую закономерность развития разных названий (в том числе и термина «таджик») через ряд взаимосвязанных названий, в том числе и исходного. А главное — выявить своеобразие протекавшего на этой территории этнического процесса.

Значительное место в моих дневниках занимают выписки из Государственного архива Узбекистана (Ташкент), относящиеся к начальному периоду завоевания Туркестана.

Территориально мой поиск был ограничен Бухарской областью, главной темой был состав населения. Материал извлекался из разного рода отчетов, сообщений о некоторых местных событиях, недоразумениях, столкновениях, в том числе и бытовых. Характерной была мудрая политика, которую проводил генерал-губернатор Кауфман: русские управляющие действовали через местных аксакалов, т.е. сохраняли таким образом сложившуюся здесь систему традиционных связей и иерархическую соподчиненность.

Общемировое стремление метрополий к покорению стран Востока стимулировало изучение истории, языков и этнографии живших там народов. В России уже к началу XX в. сформировались крупные научные востоковедческие центры. Петербургский университет продолжал давать т.н. классическое образование. Университет в Ташкенте подготовил большую группу как русских, так и местных ученых (этнографов, антропологов, археологов, историков, лингвистов). Многие русские выпускники Ташкентского университета родились и выросли в Средней Азии (имели к тому же прекрасное общеевропейское образование). К этой когорте относится Е.М. Пещерева. Е.М. в 30-е годы преподавала в ЛГУ, была также научным сотрудником Института востоковедения АН. Руководителем группы, в которой она работала, был В.В. Бартольд.